

РАСШИРЕНИЕ ПРОМЫСЛА

Канд. биол. наук В.М. Борисов – ВНИРО

ПОТЕНЦИАЛ И РЕАЛИИ РЫБОЛОВСТВА РОССИИ

В последние годы потенциал российского рыболовства во всех районах промысла, включая внутренние водоемы, окраинные моря, зоны иностранных государств и воды за их пределами, оценивается на уровне 7–9 млн т. Однако фактический вылов в 2000 г. оказался чуть более 4 млн т, а в 2001 г. снизился до 3,7 млн т.

Открытые районы Мирового океана

В конце 80-х годов российский флот добывал здесь примерно по 1 млн т ставриды с учетом прилова скумбрии и сардины (в 1990 г. вылов составил 1380 тыс. т). С 1992 г. наша промысловая и исследовательская деятельность в этом регионе была полностью прекращена, однако возможность ведения промысла пока сохраняется. Исключение из прогнозов потенциального вылова 900–1100 тыс. т ставриды с приловом 40–50 тыс. т других рыб ЮВТО; берикса, ставриды, скумбрии, рыбы-сабли, тунцов и др., которые могут обеспечить вылов 60–70 тыс. т в ЦВА; 35 тыс. т кальмара ЮЗА; 15 тыс. т рыб антарктической части Атлантики (в том числе до 10 тыс. т ледяной рыбы и клыкча) означало бы признание потери интереса страны к этим ресурсам.

Представляется стратегически неверным не ориентировать добывающий флот на пусть и удаленные, но продуктивные

районы. Поиск путей, обеспечивающих рентабельный промысел в них, сейчас особенно важен, поскольку пресс на традиционные объекты в российских водах уже чрезмерен.

Говорить о каких-либо резервах в открытых районах Северной Атлантики не приходится. В последние годы изъятие наиболее значимых промысловых объектов регулируется в рамках работы международных комиссий NEAFC (для СВА) и NAFO (для СЗА). Промысел окуня моря Ирмингера ограничен российской долей в ОДУ, равной 25,4 %, что составляет 25–30 тыс. т.

Комитет по регулированию промысла (ICFM) при ICES рекомендует ограничивать ОДУ для путассу в объеме 630–650 тыс. т (пока этот объем не разделяется на национальные квоты). В 2001 г. Россия выловила 300 тыс. т, из которых около 42 тыс. т – в открытых водах в районах Западно-Европейской котловины и возвышенности Роккол и столько же – в открытой части Норвежского моря. В этой ситуации трудно рассчитывать на вылов за пределами зон свыше 100 тыс. т. Укреплению российской позиции весьма способствовало бы регулярное участие в международных съемках по оценкам запасов путассу.

Промысел сельди в СВА со второй половины 90-х годов строго регламентирован. В

рамках национальных квот (для России она составляет 105–120 тыс. т при ОДУ 850–950 тыс. т) предусматриваются объемы вылова не только в зонах Норвегии, Ян-Майена, Фарерских островов и Исландии, но и за их пределами (российская часть составляет 10–15 тыс. т). Поэтому при существующем состоянии запаса нет надежд на рост отечественного вылова (в 2001 г. – 108 тыс. т). Дальнейшее развитие российского промысла скумбрии в открытых водах Норвежского моря сдерживается ограничениями NEAFC (вылов здесь составляет 35–38 тыс. т).

В качестве до сих пор неосваивавшегося резерва могут рассматриваться запасы макруруса в районе подводных гор Срединно-Атлантического хребта. По оценкам ПИНРО запасы тупорылого макруруса позволяют изымать до 30 тыс. т, тогда как сейчас его вылов не превышает 1–1,5 тыс. т.

За пределами зон в районах СЗА (Лабрадор, Ньюфаундленд, Флемиш-Кап) прогнозы на сколько-нибудь существенный рост вылова неутешительны. Суммарный вылов по региону, составивший в 2001 г. около 25 тыс. т (окунь – 14,3; палтус – 4,4; креветки – 5,3; прочие – 1 тыс. т), – по-видимому, все, на что можно рассчитывать и в дальнейшем.

Анализируя в целом результаты российского промысла и его возможности в открытых районах Мирового океана, приходится констатировать следующее. По Северной Атлантике резервов практически нет. Вылов 2001 г., составивший около 250 тыс. т, может быть увеличен только за счет активизации добычи макруруса САХ (по экспертным оценкам – до 30 тыс. т) и организации промысла берикса на Ново-Английском хребте (до 6 тыс. т). В других районах (ЦВА, ЮЗА, ЮВА, АЧА) российский промысел практически не ведется, ограничиваясь 12,6 тыс. т, из которых 8,7 тыс. т составляет аргентинский кальмар. Экспертные же оценки говорят о том, что вылов по этим районам может быть доведен до 140–150 тыс. т. Потенциал открытых вод западной части Индийского океана составляют 40 тыс. т тунцов, а его антарктической части – 13 тыс. т ледяной рыбы.

Но основные перспективы увеличения вылова могут быть связаны только с ЮВТО. Реальным шагом к их реализации представляется запланированная сюда на лето 2002 г. научно-промысловая экспедиция в составе одного НИСа и трех – пяти промысловых судов. Отказ от возобновления крупномасштабного российского промысла чреват для нас потерей этого региона.

В числе наиболее перспективных крупномасштабных районов следует назвать Антарктику и Юго-Западную Атлантику. Самым значительным и ценным ресурсом остается антарктический криль, который недоиспользуется. Так, например, в последние годы все страны работают только в атлантическом секторе, вылавливая чуть более 100 тыс. т, в то время как можно добывать до 1,5 млн т. В настоящее время лимит на вылов криля

в атлантическом секторе увеличен до 4,0 млн т, в индоокеанском – 440 тыс. т (хотя его промысел здесь не ведется уже много лет).

Только в атлантическом секторе со всеми ограничениями АНТКОМа можно добыть 4–5 тыс. т клякача, 5–6 тыс. т ледяной рыбы, 123 тыс. т светящегося анчоуса, 2,5 тыс. т кальмара и 1,6 тыс. т крабов. По оценкам АтланТИРО вылов кальмара-иллекса на Патагонском шельфе российскими судами может составить 30–35 тыс. т. В приложах встречаются хек, макрурус, южная путассу и другие придонные рыбы (до 5 тыс. т).

В индоокеанском секторе Антарктики промысел клякачей и других рыб в подрайонах о-вов Принс-Эдуард, Крозе, Кергелен, Херд и Макдональд возможен при получении лицензий от стран, в чьей юрисдикции они находятся: Южной Африки, Франции, Австралии. В море Космонавтов и на хребте Гуннерус возможен промысел ледяной Вильсона в объеме 13–15 тыс. т. В морях Содружества, Дейвиса и Моусона вылов криля может составить 200–300 тыс. т, а антарктической серебрянки – 100–150 тыс. т. Промысел ледяной рыбы показал, что в России имеется научная база для планирования работы в водах Антарктики.

200-мильные зоны прибрежных государств

Промысел в иностранных 200-мильных зонах лимитирован объемами выделяемых квот и масштабами лицензий на право лова. В оценках прогнозируемых квот имеется, конечно, элемент неопределенности, связанный не только с динамикой запасов, но и с трудно предсказуемыми результатами международной дипломатии. Ориентировочно суммарная величина российского вылова в инозонах могла бы составлять около 2 млн т. Фактический же вылов равен 650–900 тыс. т. В какой степени потенциал общероссийского промысла соответствует реалиям сегодняшнего дня?

В Северо-Восточной Атлантике, включая зону архипелага Шпицберген, в последние годы прогнозировалось получать 480–540 тыс. т. В 2001 г. добыто около 490 тыс. т. Достаточно высокая оправдываемость прогноза объясняется относительным постоянством выделяемых квот. В рамках Пятисторонних консультаций по сельди устанавливаются российские квоты на сельдь в зоне Норвегии, Ян-Майена, Фарерских о-вов и Исландии; Российско-Норвежской рыболовной комиссии – на треску, пикшу, мойву и др.; Российско-Фарерской комиссии – на скумбрию и путассу. Присутствие российского флота в зонах стран Северо-Западной Атлантики ограничивается Восточной и Западной Гренландией, где возможен вылов палтуса (1,2 тыс. т), морского окуня (4,3 тыс. т), зубаток (0,2 тыс. т) и мойвы (1 тыс. т). Прогнозируемый в зоне Канады российский промысел хека в объеме 10–15 тыс. т маловероятен. Политика Канады направлена на сокращение ОДУ

до 20 тыс. т, из которых остаток для иностранного лова на коммерческой основе составит не более 8–10 тыс. т. Вылов хека российскими судами не превысит 1,5–2 тыс. т.

В зонах стран Центрально-Восточной Атлантики оценки потенциального вылова (около 1 млн т) и фактического в 2001 г. (114 тыс. т) отличаются почти на порядок. В зоне Марокко в связи с прекращением действия двустороннего соглашения добыча прежде прогнозирувавшихся 90 тыс. т (в том числе скумбрии – 45 тыс. т, ставриды – 20 тыс., сардинеллы – 15 тыс. т) становится нереальной. На коммерческой основе российские суда в 2001 г. выбрали не более 20 тыс. т, из них около 17 тыс. т скумбрии и ставриды. Из прогнозируемых 350 тыс. т по Мавритании, где на группу «4 с» (ставрида, сардинелла, скумбрия, сардина) приходится 220 тыс. т, реализуется лишь около 90 тыс. т, из которых рыб данной группы составляет менее 70 тыс. т. Со снижением идет промысел анчоуса – от 30 тыс. т в 1999 г. до 12 тыс. т в 2001 г. По другим зонам прогнозистами АтланТИРО традиционно указывается «остаточный» ресурс, близкий к 560 тыс. т. Наибольший интерес представляют зоны Гвинеи-Бисау (возможный вылов – до 190–200 тыс. т, из которых половину могут составить сардинелла и ставрида), Сьерра-Леоне (до 150 тыс. т, включая 40 тыс. т сардинеллы) и Сенегала (140 тыс. т, на сардинеллу и ставриду приходится 90 тыс. т). Фактический же вылов по странам ЦВА (помимо Марокко и Мавритании) не превышает 3–5 тыс. т. Таким образом, неиспользуемый потенциал этого региона равен около 900 тыс. т. Однако он может быть реализован только при условии заключения соответствующих соглашений и обеспечения рентабельности экспедиционного промысла.

Потенциальный вклад Юго-Восточной Атлантики оценивается в 125 тыс. т по зоне Анголы (из них 85 тыс. т могут дать ставрида и сардинелла) и 105 тыс. т по зоне Намибии (100 тыс. т – ставрида). По оперативным данным в 2001 г. вылов в этих зонах оказался близким к 20 тыс. т, или менее 9 % от «остаточного» ресурса.

Потенциальный российский вылов по зонам стран северо-западной части Тихого океана (Япония, КНДР) близок к 70 тыс. т, из которых на зону Японии приходится 6–6,5 тыс. т сайры, 27 тыс. т лемонемы и 18,5 тыс. т других видов (иваси, скумбрия, анчоус). По зоне КНДР суммарная квота на сардины, скумбрию, анчоус, кальмаров и сайру составляет 18 тыс. т. Фактически же добывается менее половины потенциального вылова (в 2001 г. он составил 26,5 тыс. т, и основная его доля приходится на лемонему – 20,2 тыс. т).

Ресурсы экономической зоны России

В российских окраинных водах, включающих исключительную экономическую зону Баренцева, Балтийского и всех дальневосточных морей, сырьевая база по последним оценкам составляет 3,6 млн т. (Пять-шесть

лет назад она оценивалась в 4,4–4,7 млн т). Основная причина снижения связана с падением запасов минтая в Охотском море и Западно-Беринговоморской зоне. В этих условиях было бы логичным более полное использование других ресурсов. Однако даже по зоне России, несмотря на отсутствие причин, связанных с удаленностью районов, освоение доступной сырьевой базы составляет немногим более 55%. В частности, в 2001 г. по предварительным данным собственная зона обеспечила только 2,5 млн т вместо прогнозируемых 4,3 млн т. На Дальнем Востоке в числе недостаточно используемых объектов оказываются и традиционные: сельдь, треска, камбалы, терпуги, сайра. Их суммарный вылов по результатам 2001 г. составил только 520 тыс. т, тогда как запасы позволяют довести его до 900–950 тыс. т.

Значительным промысловым резервом располагают запасы дальневосточных кальмаров, суммарный потенциал которых оценивается в 350 тыс. т. Современный же российский промысел ограничивается добычей 50–70 тыс. т. Практически не используется анчоус у Южных Курил, в Приморье и у Западного Сахалина (его возможный суммарный вылов оценивается в 90–95 тыс. т). Полностью отсутствует промысел тунцов в Южно-Курильском районе, хотя запасы позволяют изымать до 60 тыс. т. Промысловый потенциал макруруса (около 50 тыс. т) также используется крайне слабо (2,2 тыс. т). Совсем не осваиваются запасы мойвы (потенциал – более 80 тыс. т) и песчанки (7,0 тыс. т).

Из промысловых беспозвоночных более интенсивно могли бы использоваться запасы морских ежей по Восточной Камчатке и в Охотском море, охотоморские глубоководные крабы, кукумария Южных Курил и Охотского моря, двусторчатые и брюхоногие моллюски в Японском и Охотском морях, некоторые виды охотоморских креветок, а также северная и углохвостая креветки в Баренцевом море и, конечно, ламинария, которой только по побережью Южных Курил и Западного Сахалина можно заготавливать более 100 тыс. т. Несмотря на весьма широкий спектр промысловых объектов в морях Дальнего Востока с их суммарным ресурсом, позволяющим добывать (даже при перешедшем дефи-

ците минтая) до 3,0–3,2 млн т, предпочтение сейчас отдается наиболее популярным в рыночном отношении видам – минтаю, камчатскому крабу, лососевым. В результате невостребованный промыслом ресурс составляет примерно 1 млн т.

Возможные объемы вылова в Баренцевом море в пределах исключительной Российской экономической зоны (РЭЗ), включая Кольское побережье и Смежный (с Норвегией) участок, оцениваются сейчас в 400–415 тыс. т. Из всех упомянутых выше районов Баренцевоморский имеет наибольшую «близость» прогностически оцениваемых и фактически осваиваемых ресурсов. «Недолгов» по основным объектам промысла (треска, пикша, мойва, камбалы, зубатки) не допускается благодаря избыточной численности флота в РЭЗ, а «перелов» запасов, эксплуатируемых совместно с Норвегией, сдерживается регламентацией в рамках СРНК. О некоторых резервах можно говорить лишь применительно к недостаточно изученным запасам прибрежного комплекса, в том числе 6–7 тыс. т рыб (пинагор, акулы, скаты, лиманда, песчанка), около 7 тыс. т промысловых беспозвоночных (креветка, трубач, серрипес, морской еж, кукумария) и 10–13 тыс. т ламинарии. Особого внимания судовладельцев заслуживают запасы креветки на акватории РЭЗ и Смежного участка. По оценкам ПИНО ее расчетный вылов составляет здесь 12–15 тыс. т. Однако за 2001 г. было взято лишь 2,3 тыс. т.

Запасы биоресурсов в российских водах Балтики оцениваются примерно в 60 тыс. т. Промысел основных видов – трески, шпрота, салаки и лосося – регулируется Международной балтийской комиссией по рыболовству (ИБСФК). С учетом продолжающегося сокращения запасов трески и салаки по ним возможно только снижение российских квот (на 2002 г. – соответственно 3,8 и 11,5 тыс. т). По шпроту, несмотря на хорошее состояние запасов, можно надеяться лишь на сохранение достигнутого в 2001 г. вылова (32,5 тыс. т), поскольку ИБСФК не склонна к увеличению ОДУ этого вида. Ресурсы лосося, камбал и рыб, обитающих в заливах, ограничиваются 5–5,5 тыс. т.

Внутренние морские водоемы

По Каспийскому бассейну к той тревоге, которая связана с падением численности осетровых, в последнее время добавились опасения за судьбу самого массового вида – анчоусовидной кильки. Из суммарного объема вылова всех каспийских рыб, составлявшего в конце 90-х годов примерно 200 тыс. т, до 150 тыс. т приходилось на кильку. Однако в 2001 г. килечный промысел смог обеспечить только 46 тыс. т, что было вызвано вспышкой численности гребневика-мнемиопсиса. Крупномасштабное потребление им кормовой базы пелагических рыб, а также их икры и личинок резко сократило пополнение ста-

да молодью и увеличило смертность взрослой кильки. Надежд на скорое восстановление запаса кильки пока нет, и на 2003 г. прогнозируется вылов только 30,9 тыс. т.

Без принятия правительственных решений в отношении осетровых, а самое главное, без практической реализации мер по пресечению все расширяющегося браконьерства нет оснований надеяться на какой-либо рост официального вылова этих рыб. В 2001 г. легальный вылов осетровых составил всего 439 т.

В запасах полупроходных и речных рыб каких-либо резервов, способных обеспечить рост их вылова (в настоящее время – 45–50 тыс. т), пока не выявлено. При организации морского промысла кефалей, морских сельдей и обыкновенной кильки (благодаря своему раннему нересту в Северном Каспии она в меньшей степени подвержена влиянию гребневика) такими способами и орудиями лова, которые бы исключали прилов молоди осетровых, дополнительный вылов оценивается в 50 тыс. т.

По Азово-Черноморскому бассейну в последние годы отмечен рост общего вылова (с 14,5 тыс. в 1999 г. и 21,1 тыс. т в 2000 г. до 32,6 тыс. т в 2001 г.), что происходит исключительно за счет морских рыб – хамсы, тюльки и шпрота. С этими же видами связаны и надежды на увеличение промысла. В Азовском море этому могли бы способствовать не только улучшающееся состояние запаса пелагических рыб, но и отставание российских интересов в рамках Российско-Украинской комиссии по рыболовству, и организация хранения, переработки и сбыта уловов. По сравнению с достигнутым (17 тыс. т) они могут быть увеличены до 25–50 тыс. т. Запасы шпрота в российских водах Черного моря позволяют изымать в 4–5 раз больше, чем выловлено в 2001 г. (11,1 тыс. т). Однако для этого потребуются большее число судов, расширение акватории промысла и рост производства пользующейся спросом продукции.

В отношении азовских осетровых теперь уже, к сожалению, приходится говорить о полной утрате этого высокоценного ресурса. Прекращение естественного воспроизводства, снижающиеся масштабы искусственного при существующей системе охраны, не способной сдерживать браконьерский беспредел как с украинской, так и с российской стороны, когда уже стала проблемой заготовка производителей, не оставляют надежд на восстановление запаса осетровых на Азове, по крайней мере, в ближайшем будущем.

Несмотря на весьма скромный вклад беломорского рыбного промысла в общероссийский вылов (в 2001 г. только 1,8 тыс. т), он имеет немалое региональное значение. Запасы сельди в Онежском, Двинском и Мезенском заливах позволяют увеличить ее вылов с добываемых в настоящее время 0,5–0,8 тыс. т до 2,5 тыс. т, а наваги – с 0,7–1,0 тыс. т до 1,2 тыс. т. Сдерживаю-

щими факторами остаются низкая окупаемость промысла, небольшой спрос на продукцию, не подвергавшейся высокотехнологичной переработке. Запасы беломорской семги, в том числе в реках Мурманской и Архангельской областей, ограничены и вряд ли смогут обеспечить вылов выше достигнутого (около 179 т). Перспективными на всем побережье Белого моря остаются заготовка и переработка весьма ценного водорослевого сырья. Только промысловый потенциал ламинарии оценивается в 18 тыс. т (ее добыча ограничивается сейчас 2,4–2,7 тыс. т).

В заключение необходимо подчеркнуть, что представленный краткий обзор возможностей российского рыбного промысла во внутренних и окраинных морях, в зонах других прибрежных государств и за их пределами был сделан только с позиций наличия доступных для эксплуатации запасов. Естественно, что интерес к любому ресурсу и оценка его промысловых возможностей определяются не только масштабами запаса и величиной потенциального вылова. Эти факторы, являвшиеся первостепенными в «доперестроечные» годы, уступили место (особенно это касается отдаленных районов) экономическим, техническим и правовым факторам. Параллельно с поиском ответов на вопросы: что, где и сколько ловить, необходимо определить, во что обойдутся затраты, каковы возможности сбыта сырья или его переработки, чем ловить и на основе какой правовой базы. Решение этих важных вопросов, вряд ли, под силу отдельному судовладельцу. Без общегосударственной политики, направленной на расширение рыбного промысла, они останутся неразрешимыми. Однако первыми шагами на этом пути должны быть четкое представление о потенциальной сырьевой базе, ориентирование руководства отрасли на определенные масштабы и географию промысла.

